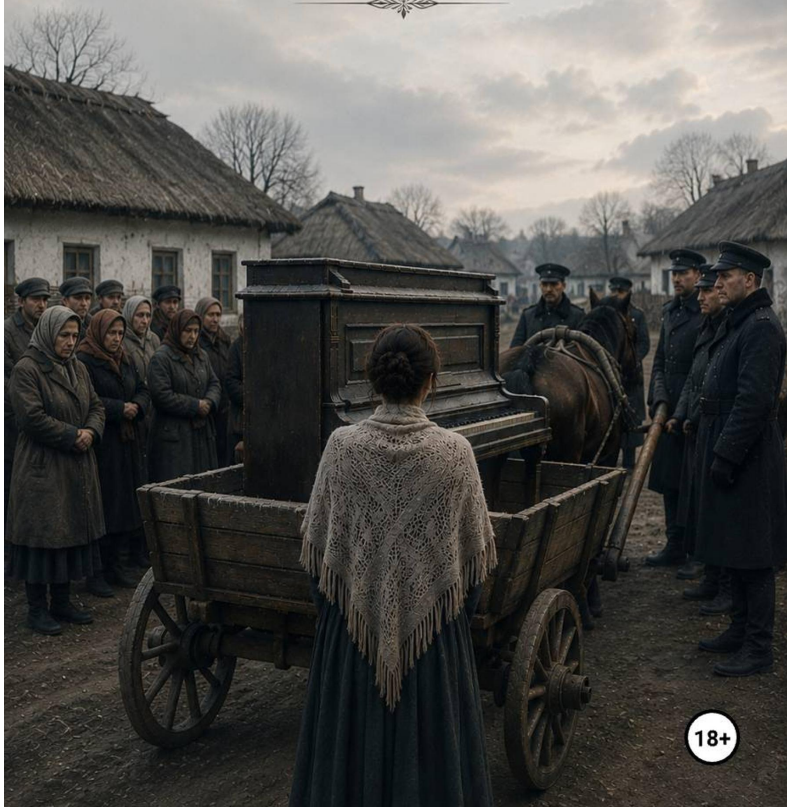

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

18+

artpro111 П

Не хлебом единым

<https://litres.ru/74248288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1932 года. Кубанская станица Старощербиновская, ещё недавно полная казачьей удали и смеха, замерла в предчувствии беды. Государство требует немыслимых норм хлебосдачи, и амбары пустеют, уступая место голоду. В центре этого апокалипсиса — семья потомственного казака Семёна Моргунова и его жены Клавдии, хрупкой петербургской интеллигентки, чьи руки, созданные для игры на фортепиано, оказываются бессильны перед жестокостью нового мира.

Эта история — реквием по утраченному, гимн нестигаемой воле и напоминание о том, что даже когда отбирают всё — хлеб, близких, право на жизнь, — невозможно отнять душу, которая продолжает звучать.

Основанная на реальных исторических событиях и семейных воспоминаниях, повесть «Не хлебом единым» — это пронзительный рассказ о любви, стойкости и памяти, которая сильнее смерти.

Не хлебом единым

Музыка не имеет возможности спасти этот мир... Но звуки ее позволяют нам убежать от самого страшного — от потери самого себя.

Осень 1932 года в станице Старошербиновская, что на Кубани, выдалась теплой. В октябре еще гостило бабье лето. Семён Моргун, крепкий казак средних лет, с широченными плечами и военной выправкой, вышел на крыльцо. Черные волосы уже тронула седина на висках. Воздух в станице был густой и ароматный, пахло сырой землей и сеном. Семён смял в руке самокрутку и направился вдоль забора. Он слегка прихрамывал на правую ногу и иногда забывался и начинал ее растирать. Старое ранение, еще с Первой мировой, неприятно болело.

— Семён Ильич! — послышался за спиной голос.

Семён тихонько выругался, повернулся и увидел, как по ступенькам местного клуба идет к нему председатель колхоза по фамилии Бурлак. Колхозы для станицы были вещью непонятной и новой. Когда на первом собрании стали выбирать председателя — никого, кроме атамана Петра Игнатьевича Бурлака, даже не предлагали. Петр Игнатьевич пользовался среди казаков почетом и уважением. Несмотря на свой возраст, было ему около 50, недавно женился. Имел хозяй-

ство, и мужик был запасливый.

— Семён Ильич, вот ты мне скажи — тебе чего на свете белом покойно не живется? — Бурлак всплеснул руками и достал махорку. Семён хмыкнул в ответ и погладил усы.

— Так как же можно спокойно жить, когда ты такое учи-няешь? Откуда, ты мне скажи, мы столько зерна возьмем? У меня дети малые, у тебя вон баба на сносях. — Семён чиркнул спичкой и прикурил и себе, и председателю.

— Да понимаю я все, Семён! — он стукнул себя в грудь кулаком, потом выдохнул и кивнул в сторону лавочки и продолжил — но ты тоже меня пойми. Вон как все поменялось. Раньше просто зерно собирали, а теперь сизнова собираем то, что от него осталось.

— Так, а коли найдет кто колосок на поле? — усмехнулся Семён.

— А кто их знает. Сверху пришло, — Бурлак замолчал на минуту, огляделся — не смотрит ли кто — и провел большим пальцем по горлу — ну или в лагеря.

— Ну нет у нас столько зерна, сколько ни ползай по полю, оно заново не родит!

— Нет, — согласился председатель. И дым махорки за клубился вокруг замолчавших мужиков.

В конце лета вышел Дедушкин указ. И теперь несчастная станица собирала норму хлебосдачи «усиленным порядком». С каждой неделей амбары пустели, а сверху все спускали, что мол мало. Мало было уже и самой станице, отдава-

ли все, что было в запасах. Кормить на работе перестали, из двух мельниц работала только одна. В школе ввели горячие обеды, чтобы дети не голодали.

Все это конечно не нравилось казакам. На каждом собрании, когда поднимали очередные нормы, народ кричал и возмущался. Семён тоже молчать не стал. Вот Бурлак и забеспокоился, поднимет саботаж — всю станицу пересажаят.

— Ладно, — сказал Семён, встал, придерживая бедро. — поступай как знаешь, но смотри, Бурлак, голодные казаки хуже сытых большевиков.

Он выкинул самокрутку и пошел к своей хате. На душе скребло. Вокруг в воздухе, да и над всей станицей висела тревога. Даже сквозь смех и бабские склоки сквозило чем-то надвигающимся и нехорошим.

Небольшая белая мазанка стояла почти на самом краю села. По соседству с Семёном жила вдовая Марфа, а с другой стороны соседей не было. Двор у Марфы всегда был неухоженный. Что с нее взять. В свои 50 выглядела она как старая бабка, сухая, жилистая, с глазами маленькими да колючими. Рот как помело. Что не скажет — то проклянет. Семён на нее не обижался. Знал он ее смолоду. Мужа схоронила рано. Ребенок был у них — парнишка — болел с рождения, а к двум годам помер. А нового Бог не дал. Так и прожила Марфа всю жизнь в бедности и злобе.

Семён подошел к своей калитке и открыл ее. Его двор был чистым, трава скошена, сад абрикосовый. Раньше по двору

утки бегали да гуси. Сейчас было непривычно тихо. Он подошел к колодцу и набрал воды. Марфа вышла из своей лачуги и тут же его увидела.

— Ты че это прохлаждаешься, — сказала она, вытаскивая куль с бельем, — другие вон в полях спину гнут, — Марфа встряхнула тряпку и перекинула через забор, — а ты все совещаешься.

— А твое какое дело? — Семён глотнул воды и оперся руками на забор. — Тебя не зовут, тебе и не надо.

Нравились Семёну эти перепалки. Он игриво прищурил глаз.

— Надо! — крикнула Марфа. Она перекинула на плечо очередную тряпку и поставила руки в боки. — Вы там стачки да забастовки устраиваете, а нам потом жрать нечего.

— Ой молчала бы ты, Марфа! Только на них и держимся!

Из дома вышла жена Семёна. Женщина, лет 35, худенькая, почти прозрачная, в светлом льняном платье и с косынкой на голове. Легкая, точно облако. А руки... какие красивые у нее были руки. словно не видели они ни работы, ни царапин. Нежные, с длинными пальцами, плавные в каждом движении. И шла она легко, и говорила. Внешне она сильно отличалась от Марфы. Светловолосая, яркая — не станичная, не казачка. Семён смотрел на нее и не мог наглядеться. Каждый раз внутри сам себе удивлялся, что за радость в жизни ему досталась.

— Тебе бы, барыня ты наша, не на пианино брякать, а в

поле вон работать. А то ишь, пальцы бережешь, — Марфа подняла пальцы вверх и покрутила ими и принялась дальше развешивать тряпки.

— Клавушка, ты с ней не разговаривай, — Семён обнял жену за талию и притянул поближе, — она у нас большевичка-передовичка! Нам до нее куда уж, — похихикивая, смотрел он на Марфу.

Та бросила тряпки и подошла к забору. Злобно посмотрела на них, словно выдумывая, что побольнее сказать. — А я молчать не буду, я за колхоз, за власть советскую. А ты, Семён, смотри, как бы худа не вышло. — последнюю фразу она бросила едко, по-змеиному. Посмотрела еще немного, развернулась, схватила свой куль и скрылась в хатке.

— Ну вот, — улыбнулся казак жене и нежно поцеловал между шеей и ухом, — уползла.

Клавдия поежилась, будто от щекотки, и взяла мужа за руку.

— Есть пойдем, дети заждались уже.

Она родилась в Санкт-Петербурге в семье профессора Гранского. Отец Клавы преподавал литературу в Императорском государственном университете, а мать Александра Андреевна была высокоинтеллигентной дамой поздней аристократии. Клаву очень рано показали преподавателям по фортепиано. Уже с пяти лет она играла маленькие произведения. На ее десятый день рождения отец подарил ей пианино. Не самое дорогое, подержанное, но такое желанное.

Zimmermann цвета лесного ореха. Клавиши были чуть желтоватыми от времени, педаль поскрипывала. Но его слегка приглушенный и бархатный звук был так дорог маленькой девочке. Клавдия проводила за ним часы напролет. Отец был ее самым главным поклонником. «*Ma chère Claudia, ta musique guérit mon âme*», — писал он ей из дальних командировок. Как он радовался, когда Клавдия поступила в консерваторию. Ходил на ее концерты и просил никогда не переставать играть, потому что, если Клава перестанет, — радость исчезнет.

Потом началась революция. Семья Гранского спешно собрала все необходимое и направилась в Севастополь. Отец пожертвовал всем: дорогой мебелью, книгами, картинами, но пианино не оставил. Скольких трудов стоило водрузить пианино на поезд. По пути в Севастополь отец заболел тифом и был срочно отправлен на карантин. Больных пассажиров разместили в багажном вагоне. А в соседнем вагоне — ехало пианино. И когда наступала ночь, Клава пробиралась в этот вагон и играла. До Севастополя отец не доехал. Его сгрузили с поезда в белых простынях, как и еще десятки таких же тел, спешно похоронили прямо у дороги. Разрешили только помолиться, но тихо, чтобы никто не заметил. На станции с поезда сошла Клава, ее мать и пианино.

Мама Клавдии к жизни без супруга была совсем не приспособлена, да и давно страдала обмороками и истощением. А после смерти мужа разум ее помутился окончательно. По-

сле недели скитаний их наконец пустила в дом женщина. Им даже выделили комнату в обмен на уроки игры на пианино для детей хозяйки. И Клава снова играла.

— Вот эта нота, как будто ты маму зовешь, — говорила она, нажимая детскими пальчиками на клавиши, — а эта, как будто сейчас дождик пойдет.

Дети смеялись и жали на клавиши, собирая незамысловатые мелодии.

Спустя полгода матери не стало. От всей прежней жизни: счастливой и беззаботной — у Клавы осталось только пианино. Она все так же давала уроки. Детей становилось больше. А еще через какое-то время Клавдию встретил отставной по ранению военный, высокий широкоплечий казак Семён.

Клава продавала на рынке шкатулки, оставшиеся от матери. Красивый военный мужчина полдня простоял под палящим крымским солнцем, собираясь познакомиться. И когда он подошел — достаточно было взгляда. Уже через 3 дня Клавдия и ее пианино стояли во дворе собственного маленького дома на краю станицы.

— Наша станица такого еще не видела, — смеялся Семён, — вместо телеги с приданым у нас — инструмент.

Но отказать не смог. Пианино поселилось у дальней стены их маленькой мазанки.

В станице она была чужая. Она не держала в руках плуга, не умела доить коров. Не выращивала овощей и фруктов. Жители относились к ней настороженно, кто-то высмеивал,

кто-то завидовал. Одному Семёну было абсолютно все равно, что скажут люди. Рано утром он бегал ей за полевыми цветами, а она варила ему яйца всмятку. Обязательно три штуки. А потом собирала в белый платок хлеб, кровянку и все, что Бог послал. Кроткая и нежная Клавдия по вечерам играла Шопена, а Семён и знать не знал, кто такой Шопен, но замирал и слушал, глядя на эти нежные руки.

Первая беременность оказалась неудачной. Когда Клава скинула ребенка — местные бабы шептались, мол не выживет. Семён, узнав про это, бежал несколько часов, не замечая ранения. А потом неделю день и ночь менял примочки, компрессы и повязки.

— Ничего, Клавушка, выдюжим.

Вторая беременность разрешилась успешно. На свет появился Андрей. Три дня гудели казаки, встречая мальчика. Черноволосый мальчик с карими глазами сидел верхом на заборе, бил палкой траву и воровал арбузы с колхозной бахчи, возглавляя банду разбойников. А по вечерам падал в ноги матери и слушал, как она играла. Она играла ему про пиратов, про лунный свет, про метели и дожди. Она играла, а он слушал.

Через 4 года появилась на свет Варенька. И дом их стал полной чашей.

Станица приняла Клавдию со временем. Начали приводить к ней детей учиться. А позже в местной школе директор выделил ей класс. Когда окна класса заливал солнечный

свет по утрам, дети замирали, слушая короткие симфонии, быстрые марши, плавные сонаты.

Сейчас школа почти не работала. Только 4 урока в день. Больше дети выдержать не могли. Зато в школе давали горячий обед.

— Варька, не смотри на эту картофелину, — Андрей сидел за столом, заждавшийся ужина. — Она вон какая огромная — это батьке.

— А эта? — маленькая Варя двумя ручками подняла соседнюю картофелину.

— А эта поменьше — она мамкина. — Андрей взял из рук сестры еду и положил ее на тарелку.

Аромат свежей горячей картошки заставлял живот скручиваться в тугой узел. Это ощущение становилось до ужаса привычным. Больше на столе ничего не было. Пол-крынки молока, 4 картофелины, маленькая засушенная тарань и два куска хлеба.

— А моя какая картошка? — Варя вскарабкалась на стул, посмотрела на свои ручки и вытерла их о платье.

— Твоя вот эта, — Андрей положил Варе самую маленькую картофелину. — Ты самая маленькая, и картошка у тебя самая маленькая, — сказал он.

Варя надула губки. Но спорить не стала. Она смотрела то на брата, то на картошку. Когда в дом зашел отец, Варя кинулась ему на шею, а брат отщипнул от своей картофелины маленький кусок и положил в ее тарелку.

Ужинали они молча и быстро. Быстро кончилась еда, а чувство голода почти не ушло.

— Тять, а мне Лёнька сказал, что на лимане рыба идет, — сказал Андрей, пытаясь рассеять эту голодную тишину.

— Врет твой Лёнька. Зимы ждать надо, тогда рыбе воздуха будет мало, и она на мелководье пойдет. — Семён достал махорку и разложил на столе. — А ну-ка, Варька, нарви мне газетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.